

«Кажется, я что-то слышала».

«Я знаю, ты просто пытаешься скрыть, что пукнула, прекрати притворяться».

Ах ты мерзкий ублюдок! Ты ничего не слышишь, потому что у тебя уши заложены! Может мне пукнуть тебе в рот, раз ты этого хочешь, а?!

Корделия задержала дыхание. Она знала, что единственными людьми, которые приходят в этот заброшенный дом, были люди мадам Памелы или рабочие Хамфри. К несчастью, кажется, сегодня тот день, когда они приходят покурить.

‘Я думала они не придут, потому что мадам в последние дни в плохом настроении...’

Я была слишком беспечна.

Корделия решила сбежать сегодня, поэтому она даже не продала цветы, которые ей дали. Но, если ее обнаружат в заброшенном доме в это время дня, ее не только оттаскают за волосы, но и побьют.

Если они подойдут поближе, то заметят, что за диваном кто-то прячется. Всё ее внимание было сфокусировано на рабочих Хамфри. Для нее это был вопрос жизни и смерти, поэтому она старалась не выдать себя, но герцог Валенсия, который продолжал шевелиться рядом с ней, беспокоил ее.

«Тс-с-с!»

Корделия приложила пальчик к его губам и отчаянно подмигнула. Она как бы говорила ему сидеть тихо и не дергаться.

Пожалуйста, перестань шевелиться!

Герцог равнодушно посмотрел на Корделию, постучав по руке, закрывающей ему рот. Корделия, которая сначала не поняла в чем проблема, запоздало сообразила, что закрывает герцогу нос.

Ой!

Она пыталась заткнуть его как можно быстрее, поэтому случайно закрыла ему среднюю часть лица, а не нижнюю. Корделия побледнела от испуга и попыталась быстро убрать руки. Однако герцог поймал ее за запястья и остановил ее.

Он потянул ее за запястья, которые открылись после того, как свободные концы ее рукавов упали, ближе к себе и внимательно посмотрел на них. Он видел, что на худых и тоненьких запястьях были следы от уколов иглой.

Слишком много ран для такого маленького ребенка.

Выражение лица герцога стало жестким. С другой стороны, Корделия была в шоке по совершенно другим причинам.

‘Я почти стала его врагом, а не его благодетелем!’

Корделия, которая почти превратила одолжение в обиду, пыталась успокоить свое трепещущее сердце. В этот момент она услышала голоса приближающихся рабочих Хамфри.

«Что это?»

«Думаю, кто-то оставил здесь мусор».

Она не знала, откуда доносились мужские голоса, всё, что она знала, они были очень близко. Корделия быстро схватила герцога Валенсию за руки, как будто это был ее единственный спасательный круг.

«Ты думаешь это просто мусор? Ты реально слепой, придурок. Разве это не кукла? Это кукла!»

«Кто будет с собой носить кусок тряпки как куклу? Подожди, что это? Здесь деньги».

«Это мое».

«Эй! Кто первый нашел, тот и владелец! Не носи чепухи!»

Корделия закричала глубоко в душе, когда услышала слова рабочих Хамфри.

Моя тряпичная куколка!

Мои деньги!

Когда она доставала старую одежду, чтобы вылечить герцога Валенсию, она не смогла нормально упаковать обратно вещи. Как говорят, «Твой нос отрежут, как только ты закроешь глаза». Прямо сейчас она смотрела, как крадут всё, что у нее есть. Но Корделия ничего не могла поделать, только молча вытирать слезы.

«Кажется, я видел, как эта девчонка Корделия таскала похожий кусок ткани...»

«Зачем ей сюда приходиться? Хотя, если подумать, я не видел эту паршивку сегодня. Она сбежала?»

Услышав их слова, Корделия задрожала от страха.

«Эй. И куда, ты думаешь, эта паршивка денется? Она сама сюда пришла, так как у нее нет ни родителей, ни куда пойти. Она уже знает, что придется пройти через ад, если ее поймают на попытке побега. Она не сможет уйти, даже если захочет».

А-а-а, тьфу!

Рабочий Хамфри сплюнул на пол и внезапно закурил.

«В любом случае, если она попытается сбежать, она узнает, что такое ад разок-другой, и придет в себя. Она точно вернется к нам».

Рабочие Хамфри расхохотались, как будто услышали шутку года.

‘Я точно умру, если они обнаружат, что я здесь прячусь’.

Было бы хорошо, если бы она умерла с одного удара, но...

‘Они сломают мне ноги’.

Однажды эти рабочие Хамфри сломали ноги ребенку, который пытался сбежать от мадам. В конце концов, ребенку, который не может ходить, легче просить милостыню, благодаря сочувствию толпы. Этот ребенок определенно сегодня бы снова стал попрошайничать, волоча за собой свои сломанные ноги.

Холодный пот стекал по ее хрупкой спине. Корделия решила притвориться мертвой, пока рабочие не докурят и не уйдут. Но внезапно герцог Валенсия выскочил из своего укрытия.

«Ч-что за черт?»

Рабочие Хамфри занервничали, когда кто-то внезапно появился перед ними, они же думали, что одни в этом доме.

‘Что этот раненный человек собирается сделать?’

Хотя он и был «тем самым» герцогом Валенсией, он только недавно очнулся после того, как его серьезно ранили. И Корделия, которая знала, что у нее нет божественной силы, способной исцелить любого в мгновение ока, как у Святой, начала беспокоиться.

‘Что, если он умрет, после того, как я приложила столько сил, чтобы спасти его?’

Корделия знала, что станет опасно, как только рабочие начнут бить герцога. Она сидела, беспокойно оглядываясь, за диваном, думая о том, как сбежать.

«Закрой свои уши. Даже не смотри в эту сторону. Будет лучше, если ты закроешь еще глаза».

Когда она попыталась выглянуть из-за дивана, герцог Валенсия надавил на ее голову. Ей пришлось снова спрятаться за диваном.

Когда герцог Валенсия убедился, что Корделия не смотрит на то место, где стояли рабочие Хамфри, он наконец подошел к ним. Рабочие Хамфри не могли не отступить, почувствовав исходящее от него давление. Но вскоре они поняли, что их противник серьезно ранен и не сможет драться с ними наравне.

«Вы сказали «Корделия». Вы знаете этого ребенка?»

«Кто ты, черт побери?! И какое имеет значение, знаем мы ее или нет?»

Холодный, равнодушный голос громко прозвенел на складе.

«Это имеет значение. Я искал этого ребенка 5 лет».

«.....»

«Если бы я ее не искал так упорно, то не знаю, как бы я смог посмотреть Розалин в глаза после смерти. Нет. Мне не позволят воссоединиться с ней даже после смерти, потому что я отправлюсь в ад, в отличие от нее».

Это был конец их беседы. Чуть позже Корделия услышала крики рабочих Хамфри, а в воздухе запахло кровью. Ее голова разболелась от разных мыслей, крутящихся в ее голове, так как она не могла проверить, что происходит.

‘Всё хорошо. Всё будет хорошо. Он герцог Валенсия. Говорили, что он может контролировать саму смерть’.

Бормотала Корделия снова и снова, сжавшись в комочек, крепко зажмурившись и закрыв уши.

Она бормотала себе под нос, пока крики не прекратились.

Она быстро подняла голову, когда по ее спине пробежал холодок, и она почувствовала, что над ней нависает тень.

‘А что, если это рабочие Хамфри?’

Она неосознанно вздрогнула. Она была по-настоящему сильно напугана.

Шорох.

Однако прикосновение к ее руке немедленно ее успокоило.

Это герцог Валенсия.

Он погладил ее по голове, облокотившись на диван. Как будто он молча хвалил ее за то, что она не двигалась и послушалась его. Он глубоко вздохнул, он выглядел измученным, так как дрался с такими тяжелыми ранами.

«Почему ты покинула приют?»

«...Что вы имеете в виду?»

«Ты сбежала из приюта».

Корделия крепко сжала губы. Ее руки были усеяны следами от игл – раны, которые она получила в приюте. Насколько Корделия помнила, в приюте у нее постоянно брали кровь. Поэтому она сбежала и убежала подальше от приюта. Но она не хотела, чтобы возникло недопонимание, если она расскажет свою историю вот так.

«Ты дочь Розалин. Та, кто сможет стать Святой».

«Я – не она».

«Тогда почему у тебя такие же глаза?»

«Я уже сказала, что я – не она! У меня нет матери, прекратите настаивать на обратном!»

Герцог Валенсия положил ладонь на глаза Корделии, словно прося ее закрыть глаза. Корделия не могла не закрыть глаза. Она не была Святой. Она не могла понять, почему он неправильно

понял ее, она была всего лишь девчушкой, которую можно было увидеть на рынке.

«Ты выглядишь лет на шесть-семь, но отвечаешь очень хорошо».

Когда ты ребенок, один год очень важен. Семилетки были другими. И восьмилетки тоже отличались. Однако Корделия не могла оставаться спокойной, когда герцог Валенсия решил, что она на два года младше своего настоящего возраста.

«Мне не семь! Мне восемь лет!»

«Откуда тебе знать? Может тебе семь».

«В приюте...»

Злая Корделия случайно выпалила правду, но, как только она заметила свою ошибку, она быстро прикрыла рот, ойкнув.

‘Корделия, ты такая тупица!’

Корделия замерла от шока, ей хотелось с силой шлепнуть себя по губам, а потом герцог Валенсия заговорил...

«Ты же собираешься снова сбежать?»

«.....»

«Тогда просто идем со мной. Я удочерю тебя и стану тебя защищать».

Корделия удивленно посмотрела на герцога. Она не ожидала, что подобная фраза вылетит из его уст.

«Я не следующая Святая».

«Нет. Правильно».

«Нет. Вы будете только разочарованы, если заберете меня. Не просите меня пойти с вами, скоро появится настоящая Святая».

«Почему я должен быть разочарован. Мне не важно, кто твой отец. Всё, что имеет для меня значение – в твоих жилах течет кровь Розалин».

Корделия знала, что на самом деле герцогу Валенсии нужна Святая, так как прочла книгу. В конце концов, для него это был один из способов заполучить больше власти. Однако, не важно, что он говорит сейчас, где-то существует настоящая Святая. Корделия была уверена, что, когда она появится, Герцог будет холодно к ней относиться, как в том романе. Это было предложение с очевидным финалом. Она не смогла сдержаться и прокричала следующие слова.

«Скажите мне правду! Вы пытаетесь меня удочерить, просто потому что вам нужна девушка, которая будет вести себя как Святая!»

«Верно. Я хочу забрать тебя, потому что мне нужен ребенок, который заменит Святую».

Тудун.

Ее сердце, которое на мгновение сбилось с ритма, вернулось на место. Для нее жить в качестве чей-то замены было не очень хорошо.

«Теперь ты довольна?»

«.....»

«Если я скажу так, ты будешь довольна и станешь моей дочерью?»

«Нет, что...»

Корделия наконец-то поняла, что Герцог сказал ей то, что на самом деле не имел в виду. Но она все равно помотала головой.

«Я не хочу».

Ее голос прозвучал плаксиво. Корделия была храбрым ребенком. Она не пролила ни слезинки, когда ее постоянно кололи иглами, она не плакала, когда мадам Памела избивала ее до полусмерти, она не плакала, когда ее неделю морили голодом. Однако, когда сейчас она услышала слова «замена Святой», ее голос задрожал и наполнился слезами.

«Я ненавижу, когда меня называют чьей-то заменой».

Герцог Валенсия мягко притянул к себе плачущую Корделию за ее хрупкие плечи. Его голос звучал мягко, когда он пытался успокоить плачущего ребенка в его объятиях.

«Если ты пойдешь со мной, я дам тебе куклу красивее этой. Я обязательно одену тебя в новую

и чистую одежду. И тебя никогда не будут называть заменой».

Герцог держал тряпичную куклу, которую рабочие Хамфри упоминали ранее.

«Моя куколка...»

Для других это был просто мусор, но Корделия считала эту куклу своим другом. Возможно потому что за прошедший год они обе пережили множество трудностей и лишений, ей казалось, что ее кукла изношена и порвана. Хотя это и была кукла, из-за того, что она вся была покрыта кровью, теперь ее с трудом можно было распознать. Но она все равно крепко ее держала.

‘Я знаю, что он думает, что я настоящая Святая и говорит мне только приятные вещи... Но...’

Руки, державшие куклу, сжались сильнее. Даже если это было лишь обманом, он первый человек, который протянул к ней руки.

‘Подожди. Подожди. Разве не хорошо было бы немного положиться на него? Всего на несколько дней...’

Конечно, она всё еще боялась герцога Валенсию и того, что он, возможно, убьет ее. Но факт остается фактом – Корделия была восьмилетним ребенком без опекуна. Всё, что она могла – бродить по улицам в надежде выжить. Она помнила только содержание книги, поэтому Корделия, у которой было тело и сердце восьмилетнего ребенка, испытывала сильное искушение схватить протянутую к ней руку.

«Дяденька, а у вас есть дома конюшня?»

Она очень хотела покататься на лошади. Когда герцог Валенсия кивнул в ответ, она поджала губы, чтобы подумать.

«Ах, может быть... Вы дадите мне место, где много сена?»

Он заметил, что Корделия считала роскошью просить «место с большим количеством сена».

«Тебе не понадобится сено. Я дам тебе твою собственную комнату. Она намного больше и шире, чем ты думаешь».

«А мягкую кровать?»

«Будет. Она будет достаточно большой и мягкой, что ты сможешь по ней бегать и прыгать».

Корделия молчала некоторое время. Тогда Герцог спокойно и нежно проговорил, смотря на крошечное и бледное тело ребенка.

«Хочешь чего-нибудь еще?»

«Я хочу есть теплую еду. Но только не то, что выбросили другие».

«... Я заполню стол всем, что ты захочешь съесть».

Услышав ответ Герцога, Корделия заколебалась, прежде чем задать ему последний вопрос.

<http://tl.rulate.ru/book/52499/1350490>